

Я НЕ узнал ее, когда увидел после спектакля. Не скрою, ожидал встретить смелую, энергичную, чуть насмешливую девушку — такую, какую она только что сыграла. Но оказалось, что она — совсем другой человек: скромная, сдержанная, серьезная. Слушая ее негромкую, скучную речь, следя за ее неторопливым размышлением вслух, я старался восстановить образ озорной, бойкой венгерки Жужи, но это было нелегко, и, пожалуй, только в глазах актрисы, тающих сияние, угадывался яркий темперамент, который так покорял в спектакле.

О художнике сцены, наверное, нельзя судить по одной, первой роли, — ведь первая роль может оказаться случайной удачей, как гозорится, результатом попадания в индивидуальность, когда обаяние молодости восполняет отсутствие подлинного мастерства. И потому я подождал, когда Оля Рябова сыграет свою вторую роль — стенографистки Люси в спектакле «Шрамы». И, увидев, с каким большим чувством правды, с какой естественностью она исполняет роль этой современной молодой мешанки, самоуверенной и недалекой, вооруженной собственной житейской «философией», я понял совершенно отчетливо, что главная роль Рябовой в «Жуже из Будапешта» — не случайность в ее творческой судьбе. Перед нами — актриса, строго и даже сурово относящаяся к своей работе, стремящаяся выразить глубинную сущность характера, создаваемого ею на сцене.

Да, успех в роли Жужи — это следствие упорной, многодневной работы, результат предельной мобилизации сил.

Оля захотела быть актрисой очень рано. Уже пятиклассницей она пришла в драматический кружок при клубе «Темп», позднее занималась в театральной студии Дворца культуры им. Чкалова. В спектакле «Золушка» ей пришлось сыграть роль старшей сестры Гортензии, и уже тогда она стремилась найти пластическое решение образа: ее Гортензия отличалась сухой, злой, змеиной грацией, она словно струилась вокруг своих сестер...

Чтобы быть ближе к театру, Оля Рябова вступила в школьный актив при новосибирском ТЮЗе. В эти годы она запоем читала все, что могла достать, о театре.

— Значит, уже тогда вас манила романтика актерской профессии! — спрашиваю ее.

— Не совсем так, — отвечает она. — Если говорить правду, у меня не было особых иллюзий: я смотрела на театр трезвыми глазами. И не мечтала об успехе. Я знала, что будет трудно. Но все-таки очень хотелось по-настоящему интересно прожить жизнь. Прожить двадцать жизней.

Рябову приняли в театральное училище, но на всякий случай она готовилась и в медицинский.

Училище стало для нее миром открытий. За первые два года учебы она сразу повзрослела, почувствовала, что искусство поглощает человека целиком, что оно требует жертв. Были и неудачи. Не получались поначалу некоторые этюды. Появилась тревога, неуверенность в себе. Но победила всякая собранность и та суровая театральная дисциплина, которой требовал от своих воспитанников Л. С. Белов, преподававший на курсе, где училась Рябова, актерское мастерство.

Постоянную поддержку Оля находила у своего педагога В. М. Граната.

— Он учил нас думать, воспринимать мир. Видеть его не в голубом свете, но по-земному и в то же время не теряя веры. Учил нас трезвости, логике. И доброте.

Владимир Максимович довозил своим ученикам, добиваясь от них внутренней свободы, шел от их индивидуальности, укреплял в них веру в свои возможности, и Оля, благодаря ему, нашла себя, обрела собственный голос.

На третьем курсе вел уроки танца Георгий Вячеславович Ерасек. Он увлек своим предметом будущих актеров, и танец стал для них не менее важным делом, чем мастерство. Именно Ерасек ставил танцы в «Жуже из Будапешта», добиваясь не только пластической выразительности, но и психологического решения всех танцевальных моментов в спектакле.

— Какие роли, сыгранные в училище, вы считаете для себя наиболее важными? — спрашиваю я.

— Наверное, все по-своему важно. Смеральдина в «Слуге двух господ» Гольдони привлекла меня своей непосредственностью, остроумием. Но больше всего удовлетворения принесла роль Тоси в «Двадцать лет спустя» М. Светлова. Мы поставили на основе этой пьесы музыкально-литературную композицию. И там от всех нас требовался элемент отчуждения от роли: мы выступали и как герои пьесы, и как современные мальчишки и девчонки. Приходилось мгновенно переключаться от образа к себе и обращаться к залу от лица того и другого. Долго не получалось. Но, когда пришли записывать фонограмму студенты консерватории, когда зазвучала музыка, все вдруг стало на свои места. И эта атмосфера ночных репетиций, напряженный ритм работы, лихорадочный пульс жизни вошли в спектакль, сдружили наш курс, доставили нам самую большую творческую радость.

А потом случилось неожиданное. В начале четвертого курса Олю пригласили в «Красный факел» на пробу: нужна была исполнительница главной роли в спектакле «Жужа из Будапешта». Режиссер И. Б. Борисов сразу поверил в молодую актрису. Но Рябовой нужно было сделать нелегкий выбор: последний курс требовал больших усилий, предстояла защита диплома. И все же она согласилась играть.

Во время репетиций Оля не имела ни минуты, чтобы передохнуть, взглянуть на себя со стороны, оценить результат. Да самой премьеры она не могла понять, получится роль или нет, и только, когда после спектакля пришли ребята всем курсом с цветами, когда услышала от них горячие поздравления, тогда в душе словно отворились створки, и стало легко и радостно.

В Жуже молодая актриса захватывает зрителя своей исключительной непосредственностью, открытостью, полнотой ощущения каждого мгновения жизни. С момента появления на сцене она сразу же, как говорят англичане, «опрокидывает тележку с яблоками»: действие спектакля обретает новую, неожиданную остроту, характеры претерпевают такую психологическую сшибку, что взрослые люди ведут себя как дети, привычные дела оказываются заброшенными, и все помыслы и заботы сосредоточиваются на одной бесшабашной и чувствующей себя везде как дома школьнице из Будапешта.

Перво, надо быть очень серьезным и вдумчивым человеком, чтобы верно понять самую сердцевину характера такой личности, как Жужа. Эту венгерскую девочку, оказавшуюся на несколько дней гостевой молодой московских скульпторов, все считают еще ребенком, нуждающимся в постоянной опеке. Между тем она, при всей наивности и неопытности, дитя двадцатого века, знающее гораздо больше, чем может быть, ей полагается для ее 15 лет. И Рябова удивительно точно улавливает эту грань в своей героине, в которой свобода манер и смелость речи сочетаются с наивностью и ранимостью взрослого ребенка. И легкая комедия вдруг оборачивается почти драматическим звучанием, когда пробудившееся в Жуже чувство любви заявляет о своем праве на признание, когда Жужа, может быть, впервые в жизни хочет самоопределения. Конечно, Жужа еще слишком молода, она живет настоящей минутой полно и увлеченно, не задумываясь о завтрашнем дне. Поэтому все же ее страдания, по-видимому, скоропреходящие. Но важно, что исполнительница обнаруживает здесь не только комическое дарование, но и способность искренне переживать первые бури, затронувшие сердце ее героини, передать ее детскую незащищенность перед ними. И в этих моментах она столь же естественна и органична, как и в минуты, когда Жужа охотно играет роль той маленькой девочки, за которую ее принимают.

Оля Рябова недавно переступила порог театра. Она с увлечением играет в сказке, готовится к роли Ани в чеховском «Вишневом саде». У нее все впервые. И хочется верить, что столь хорошее начало получит достойное продолжение — залогом тому ее глубокая убежденность, что если человек талантлив и много, очень много работает, то так он и должен жить.

Юрий ПОСТНОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля, Жужа — О. Рябова, Лепа — А. Кондаков.

Фото Н. Соничевой.

творческий портрет ПЕРЕСТУПИВ ПОРОГ...

